

Маялинка

Митрополит Вениамин (Федченков)

Живя по окончании Академии в одном доме, я слышал следующий необыкновенный рассказ о чуде преподобного Серафима, нигде, однако, не записанном... <...>

Рассказ приведу по памяти: я не один раз слышал его.

— Вы знаете, — говорила мне Ольга Владимировна Обухова, — нашу няню-старушку Александру. Характер у нее не из легких, но она была глубоко верующим человеком. И особенно любила и почитала преподобного Серафима. Она родилась, когда он жив еще был. А по смерти его по всей России особенно много рассказывалось о его жизни и чудесах. Теперь много позабыто... Няня любила, особенно по вечерам, рассказывать моим детям про Саров и его угодника. И они с замиранием сердца и совершенной верой принимали все, что она им говорила. Я же

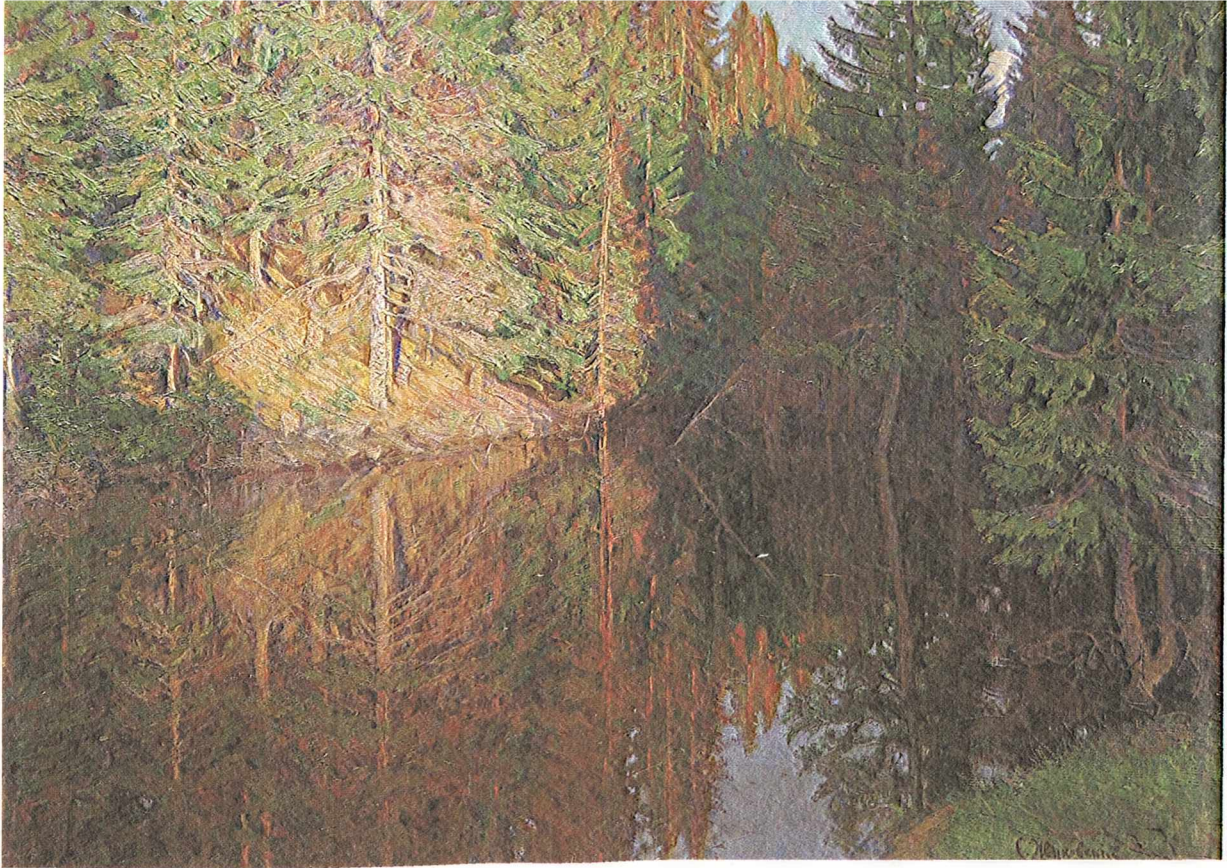
сидела и тоже слушала. Детям ничуть не казалось необыкновенным никакое чудо. Им даже не приходилось доказывать, что все это правда. Конечно, правда! — чуяло чистое детское сердце. — Да и как может быть неправда, когда Боженька все может? А батюшка отец Серафим все мог вымолить у Него. «Ну, няня, расскажи». «Дело было давно, — начинала, не торопясь, старуха с перерывами. — Приехал в Саровский монастырь новый архиерей. Много наслышан был он об угоднике Божием, но не верил рассказам о чудесах батюшки. А может, и люди зря чего наговорили ему? Добру-то мы не охотники верить, а уж поязычить друг на друга — хлебом нас не корми — страсть любим это».

Детям было непонятно слово «поязычить», но они боялись прервать рассказ няни и молчали. Да и няня не любила, чтобы ее перебивали.

Ф.В. Сычков
ПОДРУЖКИ

С.Ю. Жуковский
▶ ЛЕСНОЕ ОЗЕРО. 1909

«...Встретили архиерея монахи со звоном, честь честью, в храм провели, потом в архиерейские покои, значит. Ну, угостили его, как полагается. На другой день служба. Осмотрел все архиерей и спрашивает: "А где же живет отец Серафим?"»

А батюшка тогда не в монастыре жил, а в пустыни своей. Подали архиерею лошадей. А была зима, снегу-то в саровских лесах — сугробы во какие!» — и няня поднимает руку выше головы своей. Дети же и сами не раз бывали в Сарове, я их любила возить туда. И монахи любили их, считали своими. А из имени нашего мы пожертвовали монастырю и лошадей, и коляску. Была особая наша тройка», — пояснила рассказчица.

Но мне самому, как и детям, хотелось слушать о чудесах, а не о тройках и монахах...

«Насилу проехал архиерей. Да и то последнюю дорожку и ему пешочком пришлось», — продолжала няня.

Детям уже становилось трудно ждать, когда же наконец чудо-то будет? То о снеге, то об архиерее. Поскорее бы поинтереснее. Но няня не любит, чтобы ее прерывали.

«...Батюшку предупредили, что сам архиерей идет к нему в гости. Угодничек Божий вышел навстречу без шапочки (клобука) и смиренно в ноги поклон архиерею положил. "Благослови, — говорит, — меня, убогого и грешного, святой

Старость к правде ближний
путь знает.

владыка! Благослови, батюшка!!” Он и архиерея-то все звал: батюшка да батюшка.

Архиерей благословил и идет вперед в его пустыньку. Батюшка под ручку его поддерживает. Свита осталась ждать. Вошли, помолились, сели. Батюшка-то и говорит: “Гость у меня высокий, а вот угостить-то его у убогого Серафима и нечем”. <...>

Архиерей-то, думая, что батюшка хочет его чайком угостить, и говорит:

— Да ты не беспокойся, я сыт. Да и не за этим я к тебе приехал и снег месил. Вот о тебе все разговоры идут разные.

— Какие же, батюшка, разговоры-то? — спрашивает угодник, будто не зная.

— Вот, говорят, ты чудеса творишь.

— ...Нет, батюшка, убогий Серафим чудеса творить не может, чудеса творить лишь один Господь Вседержитель волен. Ну, а Ему все возможно, Ми-

лостивцу. Он и мир-то весь распрекрасный из ничего сотворил, батюшка. Он и через ворона Илию кормил. Он и нам с тобой, батюшка, вот, гляди, благодать-то какую дал.

Архиерей взглянул в угол, куда указал угодничек, а там большущий куст малины вырос, а на нем — полно ягоды спелой.

Обомлел архиерей и сказать ничего не может. Зимой-то малина, да на голом полу выросла! Как в сказке!

А батюшка Серафим взял блюдечко чайное да и рвет малинку. Нарвал и подносит гостю.

— Кушай, батюшка, кушай! Не смущайся. У Бога-то всего много! И через убогого Серафима по молитве его и по Своей милости неизреченной Он все может. Если веру-то будете иметь с горчичное зерно, то и горе скажете: “Двинься в море!”, она и передвинется. Только сомневаться не нужно, батюшка. Кушай, кушай!

Святому Серафиму

*В дни тяжких страданий, с глубокой тоской
Тебя призывая, угодник святой,
Тебе я молился, заступник, о многом
И каялся горько пред Господом Богом.
И что же, о чудо! Угодник святой
Склонил свое ухо к молитве простой, —
И снова надежда меня посетила,
И вера, как солнце, мне жизнь осветила,
Я ожил неожиданно... Так травка весной
На старой дороге, опушке лесной
Пробьется, окрепнет и смело растет,
А смотришь на солнце – и ландыш цветет,
И радостно тянется пчелка к нему,
Чтоб воск приготовить творцу своему.*

Василий Платонов
1906

СВЯТОЙ СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

С.Ю. Жуковский
◀ ЗИМА

Архиерей все скушал, а потом вдруг и поклонился батюшке в ножки. А батюшка опередить его успел и говорит:

— Нельзя тебе кланяться перед убогим Серафимом, ты — архиерей Божий. На тебе благодать великая! Благослови меня, грешного, да помолись!

Архиерей послушался и встал. Благословил батюшку и только два-три словечка сказал:

— Прости меня, старец Божий, согрешил я перед тобой! И молись обо мне, недостойном, и в этой жизни, и в будущей.

— Слушаю, батюшка, слушаю. Только ты до смерти моей никому ничего не говори, иначе болеть будешь...

Глядит архиерей, а куста-то уже нет, а на блюдечке от малинки сок кое-где остался, — значит, не привидение это было. Да и пальчики у него испачканы малинкой.

Вышел архиерей. Свита-то его дожидается. «И чего это, — думают, — он так долго говорил с батюшкой Серафимом?» А он, без шапочки,

опять под ручку его ведет до самых саночек. Посадил и еще раз в снег поклонился.

А архиерей, как только отъехал, говорит своим:

— Великий угодник Божий. Правду про него говорили, что чудеса может творить. — Но ничего про малинку им не сказал. Только всю дорогу молчал да крестился, а нет-нет и опять скажет:

— Великий, великий угодник!

А когда скончался батюшка, он и рассказал всем про малинку».

Дети с широко раскрытыми глазами, молча переживали Божье чудо...

Добро творить — себя веселить.

Ильин день

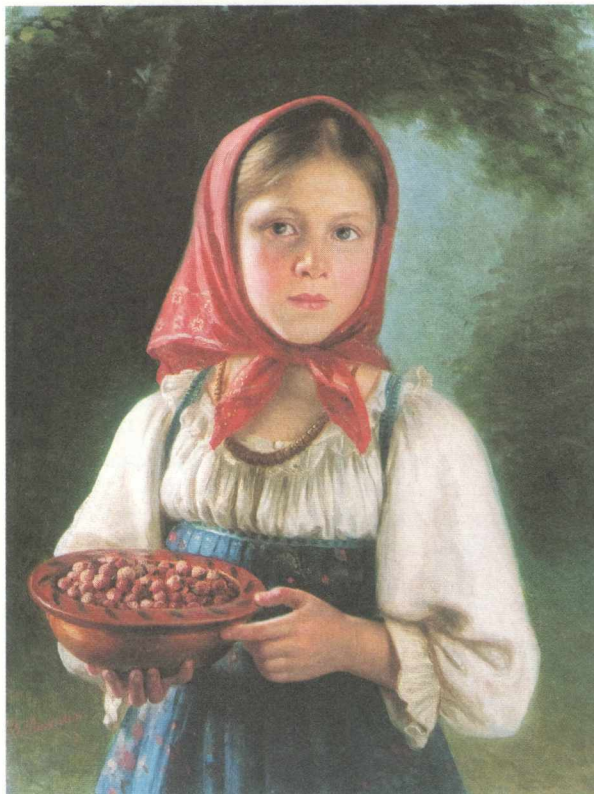
2 августа (20 июля)

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Поселяне свои наблюдения об этом дне сохранили в поговорках: «На Илью до обеда лето, а после обеда осень. — На Ильин день и камень прозябает. — До Ильина дни под кустом сушит, а после Ильина дни и на кусте не сохнет. — Илья-пророк три часа приволок. — До Ильина дня сено сметать — пуд меду в него накласть. — Богат, как

Ильинской сот. — Ильинская соломка — деревенская перинка. — Новый хлеб на Ильин день. — Знать осень на Ильин день по снопам. — До Ильина дня мужик купается, а с Ильина дня с рекой прощается. — То и веселье Ильинским ребятам, что новый хлеб. — У мужика та обнова на Ильин день, что новинкой сыт. — Знать бабу по наряду, что на Ильин день с пирогом».

В этот день на Руси совершаются многие местные обряды. В Тульской губернии, в Шенкурском и Вельском округах пекут из новой ржи хлеб и приносят для благословения в церковь. В старину без благословения священника никто не дотрагивался до новины. В Новгородской и Тульской губерниях поселяне устраивают себе постели из но-

В.Т. Тимофеев
ДЕВОЧКА С ЯГОДАМИ. 1879 (?)

Б.М. Кустодиев
▶ ПОСЛЕ ГРОЗЫ. 1921

Одну ягодку найду,
На другую посмотрю,
Третью примечаю,
Четвертая мерещится.

вой соломы, о которой они говорят: «Ильинская соломка — деревенская перинка». Пчельники на этот день осматривают свои ульи и закупают прасолам соты. От этого вошло у них в поговорку про богатых пчельников говорить: «Богат, как Ильинский сот». К Ильину дню стараются скошенное сено высушить и убрать в стога. Здесь же, говорят поселяне, сладкая яства в цветах для скотинки. И о таком душистом сене в Костромской и Владимирской гу-

берниях говорят: «До Ильина дни сено сметать — пуд меду на него накласть». Из мирских складчин устраивают на Ильин день обеды. Так видел Лепехин в селе Обыченском Пермской губернии, что поселяне на мирскую складчину приводили с собою быка, другие теленка, убивали их и съедали всюю деревнею. В старину в Тульской губернии на мирскую складчину поселяне пекли новый хлеб и раздавали нищей братии от всей деревни.

ПОЛУНОЧНЫЙ ВИХРЬ

Аполлинарий Васнецов. Из цикла рассказов «Грозы и дети»

И вижу во сне: иду будто без картуза по полю, и ветер играет моими волосами и свистит в ушах: чувство какого-то приволя и успокоения на душе. Но вот начинаю различать в шуме ветра что-то тревожное, свист, вой — открываю глаза и вижу прямо перед собой открытое полукруглое окно мезонина, идет туча с запада, и блещут в ней огни-молнии. Лежавшая на столе книга быстро перелистывается, словно кто живой в потемках торопливо перебрасывает ее страницы, — жутко. Никого нет, а листья мелькают. Через окно прямо в лицо дует сильный ветер. Шумят березы, и доносится иногда глухой гул грома — гроза близко. Быстро вскочив из-под теплого одеяла, я стараюсь затворить полукруглые стекольчатые двери большого во всю стену окна с перилами из балясин в нижней его части. Но не тут-то было! Створы дверей отказываются слушаться: их с огромной силой отбрасывает обратно. Проснулся и мой младший братишка, спавший рядом со мной на разостланном на полу войлоке, и мы вдвоем налегли на дверь: но от этого она не стала послушнее, и усиливавшийся ветер упорно откидывал нас назад. Вдвинув кое-как один конец деревянного засова в правую скобку, мы налегли на рычаг и с большим трудом отклонили правый створ, а в то же время другою рукою я старался

привлечь вторую створку и придавить ее рычагом.

Мы оба налегли на рычаг всей тяжестью хрупкого детского

тела, и, упираясь босыми ногами в мокрый

пол, все усилия направили к тому, чтобы вдвинуть другой конец засова в левую скобку. Взглянув в сторону кладбища, я от испуга чуть не выпустил из рук засова; оттуда по дороге неслось что-то огромное, белое, выше деревьев, и прямо на нас; это были облака пыли,

поднятые с дороги, — стояла засуха, а мне показалось не весть что. В довершение ужаса сами собой зазвонили на колокольне маленькие колокола, что бывало каждый раз во время сильного ветра. Березы гнулись и трепались по ветру. В темном воздухе крутились листья, носились по всем направ-

К.Е. Маковский
♦ ДЕТИ, БЕГУЩИЕ
ОТ ГРОЗЫ. 1872

Ф.А. Васильев
ГРОЗОВЫЕ ОБЛАКА
Этюд. 1868–1871

лениям какие-то клочья, не то галки, не то лоскутья, и прямо на нас из-за леса двигалась мутной пеленой стена дождя, порой вспыхивавшая сплошным фосфорическим светом. Впереди ее низко и близко неслись обрывки темных облаков, постоянно менявших форму; они то опускались к земле, то поднимались от нее. На наше разгоряченное от усилий тело начали уж падать холодные и крупные капли дождя; они капали, мягко шлепая по телу, и разлетались брызгами. Мы уже минут пять возились с дверью, выбиваясь из сил, то преодолевая силу ветра, то снова отбрасываемые напором его; близки были к отчаянию; мой младший братишка, слышно, уже начал всхлипывать; он готов был откровенно разреветься и бросить засов. Но отступать было нельзя; весь ужас последствий, если бы мы не затворили двери, был очевиден. Зальет дождем наши постели, все будет сорвано и опрокинуто ворвавшимся вихрем, и, чего доброго, мне казалось, влетит в раскрытое окно «громовая стрелка» и убьет нас. Стиснув зубы и скользя босыми ногами по мокрому полу, я напрыг последние усилия и, наконец, почувствовал, как засов слабо коснулся левой скобки, зацепился, но вырвался опять. Мой голоногий помощ-

ник уж ревмя ревел и только в волнении, шлепая босыми ногами по образовавшейся у окна луже, топтался на месте. Последний напор мускулов, почти в бессознательном состоянии — и, о радость! — засов крепко вдвинулся в левую скобку и прихлопнул двери. Но с какой яростью, с какой злобой и жалобой завыл ветер на все лады в скважинах и щелях сомкнутых створов... Визг, злобный вой, скрежет, рыдания, укоры — все слилось в этом неистовом голосе бури. Как будто «он» и яростно злился, и жаловался на то, что «ему» не удалось отбросить, разможжить нас, выбить все стекла в дверях и превратить в лужу весь пол ме-

У нас было на сырой на земле
 Претворилися такие чудеса:
 Растворилися седьмые небеса,
 Сокатилися златые колеса,
 Золотые, еще огненные.
 Уж на той колеснице огненной
 Над пророками пророк, сударь, гремит,
 Наш батюшка покатывает,
 Утверждает он святой Божий закон.
 Под ним белой, храброй конь;
 Хорошо его конь убран,
 Золотыми подковами подкован.
 Уж и этот конь не прост:
 У добра коня жемчужный хвост,
 А гривушка позолоченная,
 Крупным жемчугом унизанная;
 В очах его камень-маргарит,
 Из уст его огонь-пламень горит.

**День святого пророка
 Или — в народе «Ильин
 день».**

Икона
 ОГНЕННОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ
 СЯГО ПРОРОКА
 ИЛИИ

М.Г. Абакумов
 ▶ ИЛЬИН ДЕНЬ.
 У ВАСИЛЬЯНОВСКОГО
 ПОГОСТА. 1993

зонина: не удалось, и вот «он» жаловался и неистовствовал, как зверь глупый и злой. Во время отчаянной борьбы мы и не заметили, что гроза уже бушевала кругом всю: проливной дождь барабанил по крыше, сияли ослепительные молнии, и грохотал гром; словно катались огромные камни по крыше. Закутавшись с голо-

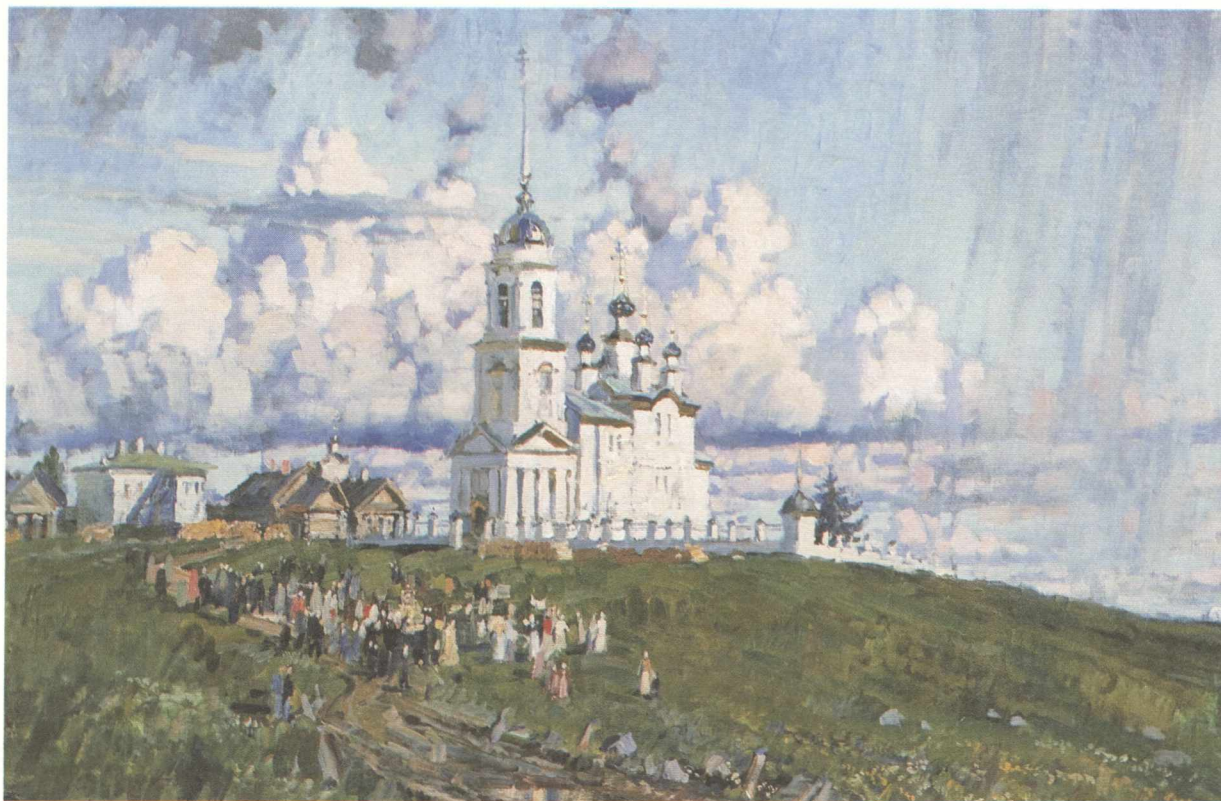
вой одеялом и закрывшись вдобавок подушкой, я, весь мокрый от пота и дождя, пролежал, стараясь ничего не слышать и не видеть, все время, к счастью, непродолжительной грозы. Когда раскаты грома смолкли, я высунул потную голову и стал прислушиваться. В углу сквозь щель в потолке капала вода: дождь еще продолжался;

Н.М. Ромадин
 ГРОЗА. ОТ ДОЖДЯ. 1978

Соломенная кукла
 Конец XIX века

заметно стало светлее. Высунул голову и бра-
тишка.

— Ты видел? — спросил он тихо.

— Что?

— Я не знаю что. Большую белую лошадь
с гривой.

— Нет, не видел.

— А я вот видел; вон там.

— О-о, да это бежала пыль по дороге от клад-
бища.

— Какая пыль... Я видел и морду, и голову,
и гриву.

— Неправда.

— А нет, правда; на что угодно поспорю и по-
божусь.

— Давай откроем окно.

— Давай.

С трудом мы открыли мокрый засов и отвори-
ли ставшие от дождя тяжелыми оба створа окна.

О, как было упоительно хорошо! Начиналось
утро. Как чист и сладостен дивный воздух, насы-
щенный запахом мокрых березовых листочков
и мокрой земли! Было тихо, только слышалось,

как капало с берез, и какая-то птичка-завирушка
негромко выделявала замысловатый узор звуков
в их пахучей бездвижной листве. Все уж было яс-
но видно. Из леса подымались клочья белого пара.
Небо прояснилось, и по нему ползли легкие, как
кисея, остатки ушедшей на восток грозы; она уж
потухла, не гремела, заглухнув в предрассветных
лучах утра. Еще виднелось сквозь туман несколь-
ко крупных звезд на посветлевшем небе, но там,
над этой редкой кисеей, уже чувствовалась бли-
зость дня... Было так тихо на душе и тихо, глубо-
ко в природе!

Ильинская соломка — деревенская
перинка.

Смоленская икона на Бородинском поле

Лев Толстой. Отрывок из романа «Война и мир»

Из-под горы от Бородина поднималось церковное шествие. Впереди всех по пыльной дороге стройно шла пехота с снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пехоты слышалось церковное пение.

Обгоняя Пьера, без шапок бежали навстречу идущим солдаты и ополченцы.

— Матушку несут! Заступницу!.. Иверскую!..

— Смоленскую матушку, — поправил другой.

Ополченцы, и те, которые были в деревне, и те, которые работали на батарее, побросав лопаты, побежали навстречу церковному шествию. За батальоном, шедшим по пыльной дороге, шли в рясах священники, — один старичок в клобуке с причтом и певчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом, в окладе, икону. Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией. За иконой — кругом ее, впереди ее, со всех сторон — шли, бе-

жали и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных.

Взойдя на гору, икона остановилась: державшие на полотенцах икону люди переменялись, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебен. Жаркие лучи солнца били отвесно сверху; слабый, свежий ветерок играл волосами открытых голов и лентами, которыми была убрана икона; пение негромко раздавалось под открытым небом. Огромная толпа, с открытыми головами, офицеров, солдат, ополченцев окружала икону. Позади священника и дьячка на очищенном месте стояли чиновные люди. Один плешивый генерал с Георгием на шее стоял прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно, немец), терпеливо дожидался конца молебна, который он считал нужным выслушать, вероятно, для возбуждения патриотизма русского народа. Другой генерал стоял в воинственной позе и потря-

Б.В. Зворыкин
МОЛЕБЕН ПЕРЕД
БОРОДИНСКОЙ БИТВОЙ

Л.Ж. Жакоtte
▶ ВИД БОРОДИНА

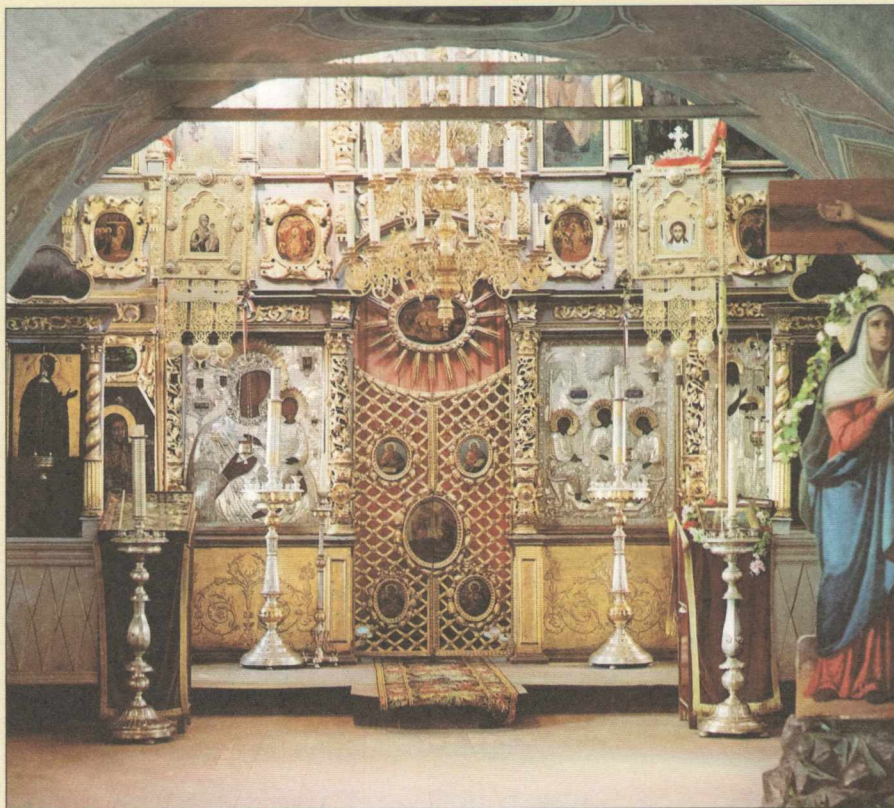

живал рукой перед грудью, оглядываясь вокруг себя. Между этим чиновным кружком Пьер, стоявший в толпе мужиков, узнал некоторых знакомых; но он не смотрел на них: все внимание его было поглощено серьезным выражением лиц в этой толпе солдат и ополченцев, однообразно смотревших на икону. Как только уставшие дьячки (певшие двадцатый молебен) начали лениво и привычно петь: «спаси от бед рабы Твоя, Богородице», и священник и дьякон подхватывали: «яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предательству», — на всех лицах вспыхивало опять то же выражение сознания торжественности наступающей минуты, которое он видел под горой в Можайске и урывками на многих и многих лицах, встреченных им в это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестов по грудям.

Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась и надавила Пьера. Кто-то, вероятно очень важное лицо, судя по поспешности, с которой перед ним сторонились, подходил к иконе.

Это был Кутузов, объезжавший позицию. Он, возвращаясь к Татариновой, подошел к молебну. Пьер тотчас же узнал Кутузова по его особенной, отличавшейся от всех фигуре.

В длинном сюртуке на огромном толщиной теле, с сутуловатой спиной, с открытой белой головой и с вытекшим белым глазом на оплывшем лице, Кутузов вошел своей ныряющей, раскачивающейся походкой в круг и остановился позади священника. Он перекрестился привычным жестом, достал рукой до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою седую голову. За Кутузовым был Беннингсен и свита. Несмотря на присутствие главнокомандующего, обратившего на себя внимание всех высших чинов, опол-

ИКОНОСТАС ЦЕРКВИ
В БОРОДИНО. 1911
Фотография
С.М. Прокудина-Горского

Икона
▶ БОГОМАТЕРЬ
ОДИГИТРИЯ
СМОЛЕНСКАЯ
со св. Кириллом
Белозерским
и Сергием Радонежским
на полях. XVI век

ченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колени, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. На-

конец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитет последовал его примеру; потом офицеры, и за ними, давая друг друга, топчась, пыхтя и толкаясь, с взволнованными лицами полезли солдаты и ополченцы.

БОРОДИНО. 1911
Фотография
С.М. Прокудина-Горского

Смоленская икона Божией Матери Одигитрия

10 августа (28 июля)

Этой иконой, написанной, по преданию, евангелистом Лукой при земной жизни Пресвятой Богородицы, византийский император Константин благословил в 1046 году свою дочь Анну, выдавая ее замуж за черниговского князя Всеволода Ярославича. С тех пор икона стала для многих русских семей истинной путеводительницей. По наследству она досталась Влади-

миру Всеволодовичу Мономаху, который перенес ее в Смоленск, с тех пор она и стала называться Смоленской.

Перед Бородинской битвой в 1812 году Смоленская икона была привезена в Москву. В день битвы икону обнесли вокруг Белого города, Китай-города и Кремля, а затем носили по военному лагерю и служили перед нею молебны.

Медовый Спас

14 августа (1 августа)

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Наши поселяне говорят: «Во что Маккавец, во то и розговины. — С первого Спаса и росы хороши. — Олень обмакивает лапу в воду».

С этого дня в селах начинают зачищать горох, выезжают пахать под озимы, заламывают в ульях соты, отделяют овины, очищают гумны.

Поселяне уверены, что с этого дня пчелы перестают вырабатывать мед. Если пчельник не заломает сота, то они говорят, что соседние пчелы вытаскают весь мед. <...> На этот день бывают народные гулянья.

В Москве сходятся гулять под Симоновым; в Туле бывает собрание на Поповом болоте, за городом.

Стефанов день 15 августа (2 августа)

Многие поселяне поят в сей день лошадей через серебро. Испуавши лошадей, они проводят их к студенцам, бросают в воду мелкую серебряную монету и потом поят лошадей из шапки, где также лежит монета. Поселяне думают, что от этого обряда лошади добреют.

Медовый Спас — празднование всемирнолюбивому Спасу и Пресвятой Богородице. В этот же день отмечают Происхождение (изнесение) честных древ Животворящего Креста Господня и память мучеников Маккавеев.

Дай, Господи, хозяину многие лета,
 Долгие лета — многие годы,
 А и долго ему жить, Спаса не гневить,
 Спаса не гневить, Божьих пчел водить.
 Божьих пчел водить, ярый воск топить,
 Богу на свечку, хозяину на прибыль,
 Дому на приращенье,
 Малым детушкам на угощенье.

И.М. Прянишников
 ⚡ СПАСОВ ДЕНЬ НА СЕВЕРЕ. 1887

И.Н. Крамской
 ПАСЕЧНИК. 1872

ДЕТСКИЕ ЗАКЛЮЧКИ

Пчелки гудят,
 В поле летят,
 С поля летят,
 Медок несут.

Солнышко, солнышко,
 Выгляни на бревнышко,
 Дам тебе меду
 Целую колоду.

Преображение Господне

19 АВГУСТА (6 АВГУСТА)

Преображение, или, как его еще называют, Яблочный Спас, несет в наш дом запах созревших, сияющих своей спелостью яблок.

Спелое яблоко — символ нашей человеческой, духовной зрелости. К ней идет каждый из нас всю свою жизнь, в меру своих возможностей, до своего, часто не видимого внешним зрением преобразования. Когда душа поднимается на высшую для нее ступеньку. Эту ступеньку видит один Творец. Люди, как правило, не замечают этого. Как образно это замечено у М.М. Пришвина:

«В осеннем саду. — Падают! — Милый друг, ты не пугайся, — падают спелые яблочки...»

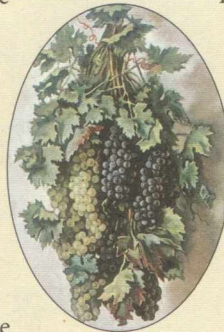
Духовного созревания, внутреннего преобразования ждет от каждого человека Господь.

Вот как описывается в Евангелии Его Преображение:

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет».

По традиции, на Преображение Господне в конце Божественной литургии совершается освящение яблок и других плодов. Поэтому в народе этот день называют Вторым, или Яблочным, Спасом. Третьим Спасом — Ореховым — именуют день 29 августа.

Праздник в честь перенесения Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа из Едессы в Константинополь.

Тропарь, глас 7:

*Преобразился еси на горе, Христе Боже,
показавый учеником Твоим славу Твою,
якоже можаху: да возсияет и нам грешным
свет Твой присносущный, молитвами Богородицы,
Светодавче, слава Тебе.*

Феофан Грек

Икона ПРЕОБРАЖЕНИЕ. Около 1403

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Преображение Господне... Ласковый, тихий свет от него в душе — доныне. Должно быть, от утреннего сада, от светлого голубого неба, от ворохов соломы, от яблочков грушовки, хоронящихся в зелени, в которой уже желтеют отдельные листочки, — зелено-золотистый, мягкий. Ясный, голубоватый день, нежарко, август. Подсолнухи уже переросли заборы и выглядывают на улицу, — не идет ли уж крестный ход? Скоро их шапки срежут и понесут под пенье на золотых хоругвях. Первое яблочко, грушовка в нашем саду, — поспела, покраснелась. Будем ее трясти — для завтра. Горкин утром еще сказал:

— После обеда на Болото с тобой пойдем за яблоками.

Такая радость. Отец — староста у Казанской, уже распорядился:

— Вот что, Горкин... Возьмешь на Болоте у Крапивкина яблочек мер пять-шесть для прихожан и ребятам нашим, «бели», что ли... да наблюдных, для освящения, покрасовитей, меру. Для причта еще меры две, почище каких. Протодьякону особо пошлем меру апортовых, покрупней он любит.

— Ондрей Максимыч земляк мне, на совесть даст. Ему и с Курска, и с Волги гонят. А чего для себя прикажете?

— Это я сам. Арбуз вот у него выбери на вырез, астраханский, сахарный.

— Орбузы у него... разсахарные всегда, с подтреском. Самому князю Долгорукову посылает! У него в лобазе золотой диплом висит на стенке под образом, каки орлы-то! На всю Москву гремит.

После обеда трясем грушовку. За хозяина — Горкин. Приказчик Василь Василич, хоть у него и стройки, а полчаса выберет — прибежит. Допускают еще, из уважения, только старичка лавочника Трифоньча. Плотников не пускают, но они забираются на доски и советуют, как трясти. В саду необыкновенно светло, золотисто: лето сухое, деревья поредели и подсохли, много подсолнухов по забору, кисло трещат кузнечики, и кажется, что и от этого треска исходит свет — золотистый, жаркий. Разросшаяся крапива и лопухи еще густеют сочно, и только под ними хмуро; а обдерганные кусты смородины так и блестят

В.А. Серов
◀ ЯБЛОКИ И ЛИСТЬЯ

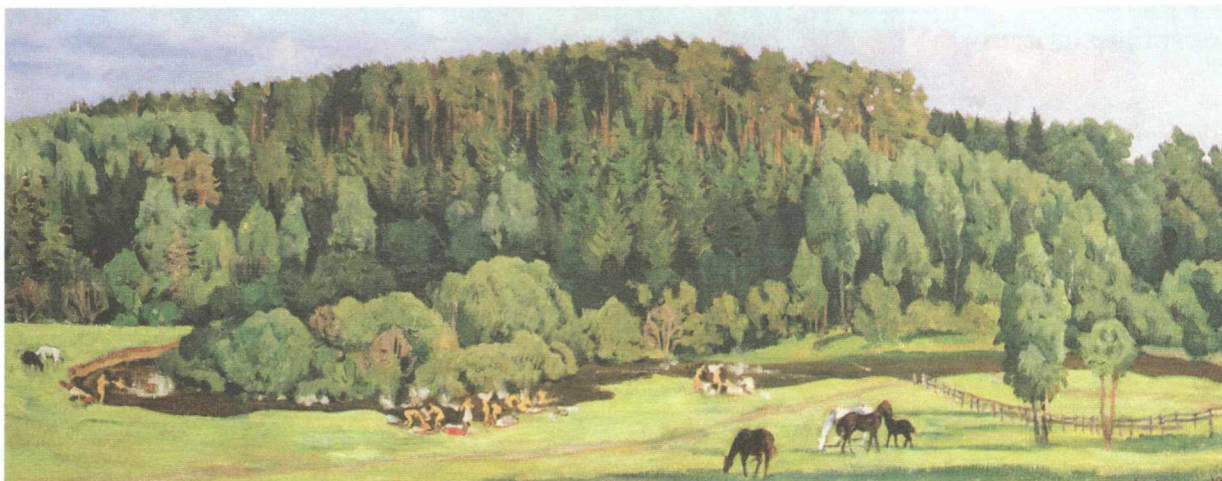
от света. Блестят и яблони — глянец ветвей и листьев, матовым лоском яблок и вишни, совсем сквозные, залитые янтарным клеем. Горкин ведет к грушовке, сбрасывает картуз, жилетку, плюет в кулак.

— Погоди, стой, — говорит он, прикидывая глазом. — Я ее легким трясом, на первый сорт. Яблочко квелое у ней... ну, маленько подшибем — ничего, лучше сочком пойдет... а силой не берись!

Он прилаживается и встряхивает, легким трясом. Падает первый сорт. Все кидаются в лопухи, в крапиву. Вязкий, вялый какой-то запах от лопухов и пронзительно едкий от крапивы — мешаются со сладким духом, необычайно тонким, как где-то пролитые духи, — от яблок. Ползают все, даже грузный Василь Василич, у которого лопнула на спине жилетка и видно розовую рубашу лодочкой; даже и толстый Трифоныч, весь в муке. Все берут в горсть и нюхают: ааа... груш-овка!..

Зажмуришься и вдыхаешь, — такая радость! Такая свежесть, вливающаяся тонко-тонко, такая душистая сладость-крепость — со всеми запахами согретшегося сада, замятой травы, растревоженных теплых кустов черной смородины. Нежаркое уже солнце и нежное голубое небо, сияющее в ветвях, на яблочках...

И теперь еще, не в родной стране, когда встретишь невидное яблочко, похожее на грушовку запахом, зажмешь в ладони, зажмуришься, — и в сладковатом и сочном духе вспомнится, как живое, — маленький сад, когда-то казавшийся огромным, лучший из всех садов, какие ни есть на свете, теперь без следа пропавший... с березками и рябиной, с яблоньками, с кустиками малины, черной, белой и красной смородины, крыжовника виноградного, с пышными лопухами и крапивой, далекий сад... — до погнутых гвоздей забора, до трещинки на вишне с затеками слюдяного блеска, с капельками янтарно-малинового клея, — все, до последнего яблочка, верхушки за золотым листочком, горящим, как золотое стеклышко!.. И двор увидишь, с великой лужей, уже повыхсохшей, с сухими колеями, с угрызшими кирпичами, с досками, влипшими до дождей, с увязнувшей навсегда опоркой... и серые сараи, с шелковым лоском времени, с запахами смолы и дегтя, и вознесенную до амбарной крыши гору кулей пузатых, с овсом и солью, слежавшеюся в камень, с прильнувшими цепко голубями, со струйками золотого овсеца... и высокие штабеля досок, плачущие смолой на солнце, и трескучие пачки драни, и чурбачки, и стружки... <...>

Праздник Преображения Господня. Золотое и голубое утро, в холодочке. В церкви — не протолкаться. Я стою в загородке свечного ящика. Отец позвякивает серебром и медью, дает и дает свечки. Они текут и текут из ящичков изломившейся белой лентой, постукивают тонко-сухо, прыгают по плечам, над головами, идут к иконам — передаются — к «Празднику!» Проплывают над головами узелочки — все яблоки, просвирки, яблоки. Наши корзины на амвоне, — «обкадятся», — сказал мне Горкин. Он суетится в церкви, мелькает его борода. В спертom горячем воздухе пахнет нынче особенным — свежими яблоками. Они везде, даже на клиросе, присунуты даже на хоругвях. Необыкновенно, весело, — будто гости, и церковь — совсем не церковь. И все, кажется мне, только и думают о яблоках. И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает о яблоках: Ему-то и принесли их, — посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «Ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки!» И будут есть уже совсем другие, не покупные, а церковные яблоки, святые. Это и есть — Преображение.

Приходит Горкин и говорит: «Пойдем, сейчас окропление самое начнется». В руках у него красный узелок — «своих». Отец все считает деньги, а мы идем. Ставят канунный столик. Золотой-голубой дьячок несет огромное блюдо из серебра, красные на нем яблоки горою, что подошли из Курска. Кругом на полу корзинки и узелки. Горкин со сторожем тащат с амвона знакомые корзины, подвигают «под окропление, поближе». Все суетятся, весело — совсем не церковь. Священники и дьякон в необычно-

венных ризах, которые называются «яблочные», — так говорит мне Горкин. Конечно, яблочные! По зеленой и голубой парче, если взглядегся сбоку, золотятся в листьях крупные яблоки, и груши, и виноград: золотое, золотое, голубое — отливает. Когда из купола попадает солнечный луч на ризы, яблоки и груши оживают и становятся пышными, будто они навешаны. Священники освящают воду. Потом старший, в лиловой камиллавке, читает над нашими яблоками из Курска молитву о плодах и винограде, — необыкновенную, веселую молитву, — и начинает окроплять яблоки. Так встряхивает кистью, что летят брызги, как серебро, сверкают и тут, и там, отдельно кропит корзины для прихода, потом узелки, корзиночки... Идут ко кресту. Дьячки и Горкин суют всем в руки по яблочку и по два, как придется. Батюшка дает мне очень красивое из блюда, а знакомый дьякон, нарочно будто, три раза хлопает меня мокрой кистью по голове, и холодные струйки попадают мне за ворот. Все едят яблоки, такой хруст. Весело, как в гостях. Певчие даже жуют на клиросе. Плотники идут наши, знакомые мальчишки, и Горкин пропихивает их — живей проходи, не засть! Они клянчат: «Дай яблочка-то еще, Горкин... Мишке три дал!..» Дают и нищим на паперти. Народ редет. В церкви видны надавленные огрызочки, «сердечки». Горкин стоит у пустых корзин и вытирает платочком шею. Крестится на румяное яблоко, откусывает с хрустом — и морщится:

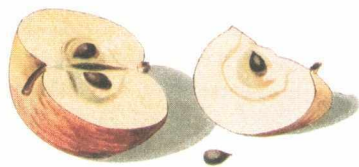
— С кваском... — говорит он, морщась и скосив глаз, и трясется его борода. — А приятно, ко времю-то, кропленое...

К.Ф. Юон

♣ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Н.П. Богданов-Бельский

НАТЮРМОРТ

Фавор-гора всем горам матери.
Почему же Фавор-гора всем горам матери?
Преобразился там сам Иисус Христос,
Двунадесять Он апостолам,
Двунадесять Он учителям,
Показал славу великую Он ученикам своим;
Со матушки со Фаворской горы
Вознесся Он свет на небеса,
Потому Фавор-гора всем горам матери.

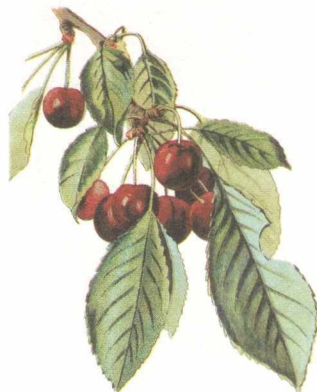
«Голубиная книга»

Яблочный Спас

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Во всей Великой Руси с этого дня начинают есть плоды и фрукты. Люди, имевшие сады, в старину принашивали в храмы плоды для освящения. Здесь они, из рук священника, раздавались всем прихожанам. Кроме того, наши предки поставляли себе в обязанность наделять всех бедных плодами, а больным посылать в дом. Не исполнившие сего старого обычая почитались людьми недостойными общения. О них говаривали наши старики: «А не дай-то Боже с ним дела иметь! Забыл он старого и сирого, не уделил им от своего богатства малого добра, не призрел своим добром хворого и бедного». К сожалению, должно заметить здесь, что заморские новизны вытесняют этот старый обычай. Со слезами смотрят старики на равнодушие молодых людей.

Во многих местах на этот день бывают народные гулянья. <...> Поселяне наблюдают в этот день захождение солнца. Выходя вечером на пригорки, они с песнями и плясками проводят время. Едва начнет скрываться солнце на запад, они поют:

*Солнышко, солнышко, подожди!
Приехали господа бояре
Из Велика-де Новгорода
На Велик день пировать.
Уж и вы ли, господа бояре,
Вы, бояре старые, новгородские!
Стройте пир большой
Для всего мира крещеного,
Для всей братии названной.*

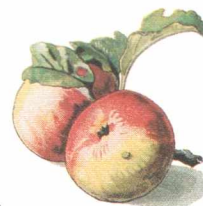
*Строили господа бояре пир,
Строили бояре новгородские,
Про весь крещеный мир.
Вы сходитесь, люди добрые,
На велик званный пир!
Есть про вас мед, вино,
Есть про вас яства сахарные.
А и вам, крещеный мир,
Бьем челом и кланяемся.*

Яблочные пирожки (Берсовские)

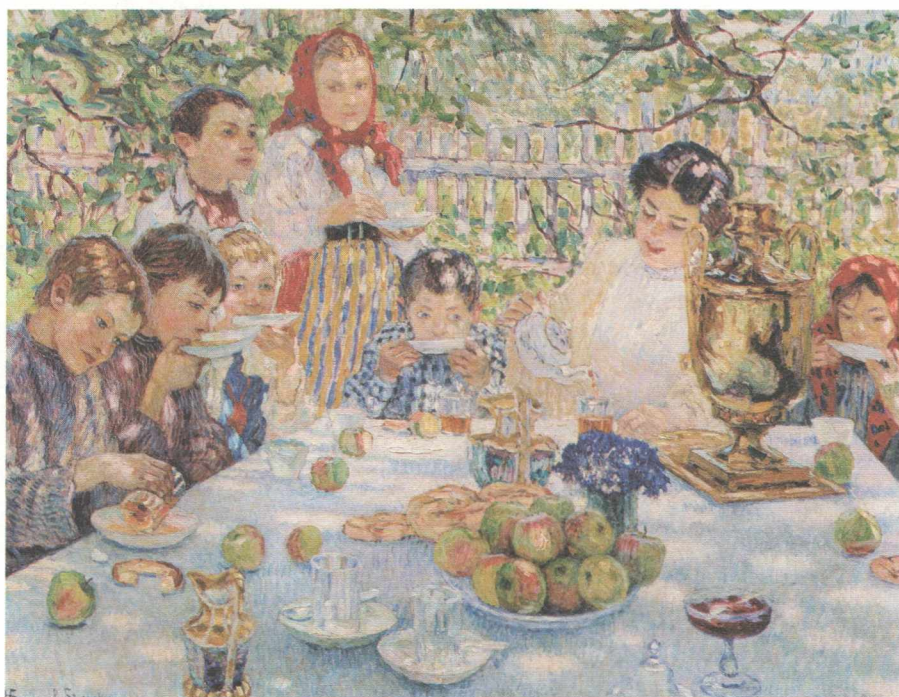
1 фунт муки, $\frac{1}{2}$ фунта масла, $\frac{1}{4}$ фунта сахару — все это стереть на доске руками; одно яйцо, $\frac{1}{2}$ чашки сливок размешать и влить в тесто; смешать все вместе и раскатать; яблоко надо очистить, вынуть сердцевину, разрезать пополам, положить яблоко, посыпанное сахаром, на тесто и выделывать пирожки, сверху помазать яйцом, печь пирожки в духовом шкафу.

Квас сухарный Фета

На 7 фунтов черных сухарей налить 4 ведра кипятку в деревянную чисто выпаренную кадку и мешать час деревянной веселкой. Дать отстояться, потом слить в чистую посуду, положить 1 $\frac{1}{2}$ фунта сахару, 5 веточек мяты, 3 ложки дрожжей. Дать забродить, разлить по бутылкам, крепко закупорить. В каждую бутылку положить 3 или 4 изюминки.

Из поваренной книги графини Софьи Андреевны Толстой

И.Э. Грабарь
 † НАТЮРМОРТ
 С БЕЛЫМ КУВШИНОМ
 1904

Н.П. Богданов-Бельский
 ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
 УЧИТЕЛЬНИЦЫ. 1920-е

Август

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

С тепные поселяне посев озимого хлеба начинают за три дня до Успеньева дня и продолжают еще три дня после. Все это зависело от погоды и скорой уборки. Были времена, говорят старики, что в старину наши отцы отсеивались к Преображению, а к Успению весь хлеб стоял на гумне. Перед посевом вся семья приносила усердные моления ко Господу, женщины провожали мужей с хлебом и солью, на телегу клали три снопа, а на них в мешках укладывали рожь. На поле встречали засевальщика ребята с гречневой кашей. После отсеивания пирог и каша съедались всей семьей. Досевки в старину отправлялись целым миром и в складчину.

Флоров день 31 августа (18 августа)

В старину к этому дню оканчивали поселяне посев. О ленивых они говаривали: «Кто сеет рожь на Флоров день, у того родятся флорки». В Костромской губернии говорят: «С Флорова дня засевают ретивые, а с Семена ленивые».

Наши поселяне этот день празднуют со своими лошадками.купают их в реке, для корма дают овса, гривы убирают лентами, приводят к церкви, где после молебна кропят их святой водой.

В степных губерниях с этого дня начинаются помочи,

В.М. Максимов
ПОСЛЕ ОБЕДНИ. 1891

Н.Е. Сверчков
ДВЕ ЛОШАДИ. 1876

Нивка, нивка,
Отдай мою силку!
Ну я тебя жала,
Свою силу потеряла!
Жнивка, жнивка,
Отдай мою силку
На яровину,
На овес, на гречиху,
На конопельки!
Чтоб мне постараться,
Конопелек набраться!

А.А. Пластов
▶ ЖАТВА. 1945

▼ Открытки. Конец XIX —
начало XX века:
В.А. Табурин
СКОЛЬКО НИ ДУМАЙ,
А ЛУЧШЕ ХЛЕБА-СОЛИ
НЕ ПРИДУМАЕШЬ
М. Гребенщикова
ПОДОСИНОВИКИ. 1908

работы, предпринимаемые крещеным миром
в пользу вдов и сирот. Наш народ говорит: «На вдво-
вой двор хоть щепку брось». На таких сходках ко-
сят сено, сжинают хлеб, удобряют поля, рубят дро-
ва, молотят снопы. Все эти работы имеют свои
названия: «полотушки», «потрепушки», «супряд-

ки», «назьмы», «дровяницы», «сеновницы». Помо-
чи у зажиточных людей сопровождаются угощени-
ями. Для рабочих тогда выставляются на дворе сто-
лы с хлебом-солью, пирогами или калачами, кадки
с брагой, сулейки с вином. Такое угощение продол-
жается во все время работы.

Успение Пресвятой Богородицы

28 августа (15 августа)

В названии праздника звучит слово Успение Пресвятой Богородицы, а не смерть. Ведь Сын Ее Божественный, вскормленный и воспитанный Ею, победил смерть. И Божия Мать оказалась не причастной смерти.

Когда Пресвятой Богородице, жившей после Вознесения Господня в Иерусалиме, пришло время перейти из земной жизни в жизнь вечную, Ей явился благовестник тайн Божиих, архангел Гавриил, возвестивший Пречистой Деве ее грядущую кончину. По молитве Матери Божией, желавшей перед кончиной проститься с учениками Ее Божественного Сына — в то время проповедовавшими веру Христову по всей земле — апостолы чу-

десным образом были собраны к Ее смертному одру.

Апостол Фома, не успевший на погребение Божией Матери, прибыл на третий день после этого события в Гефсиманию, ученики решили утешить его и открыли гроб, где похоронили Богородицу. Но увидели в нем только погребальные пелены. Так они уверились, что Пресвятая Владычица была с телом вознесена на Небо.

Праздник Успения Богоматери — свидетельство Ее предстательства за мир. Она не умерла, но, лишь телесно оставив мир, продолжает ходатайствовать за людей пред Своим Сыном.

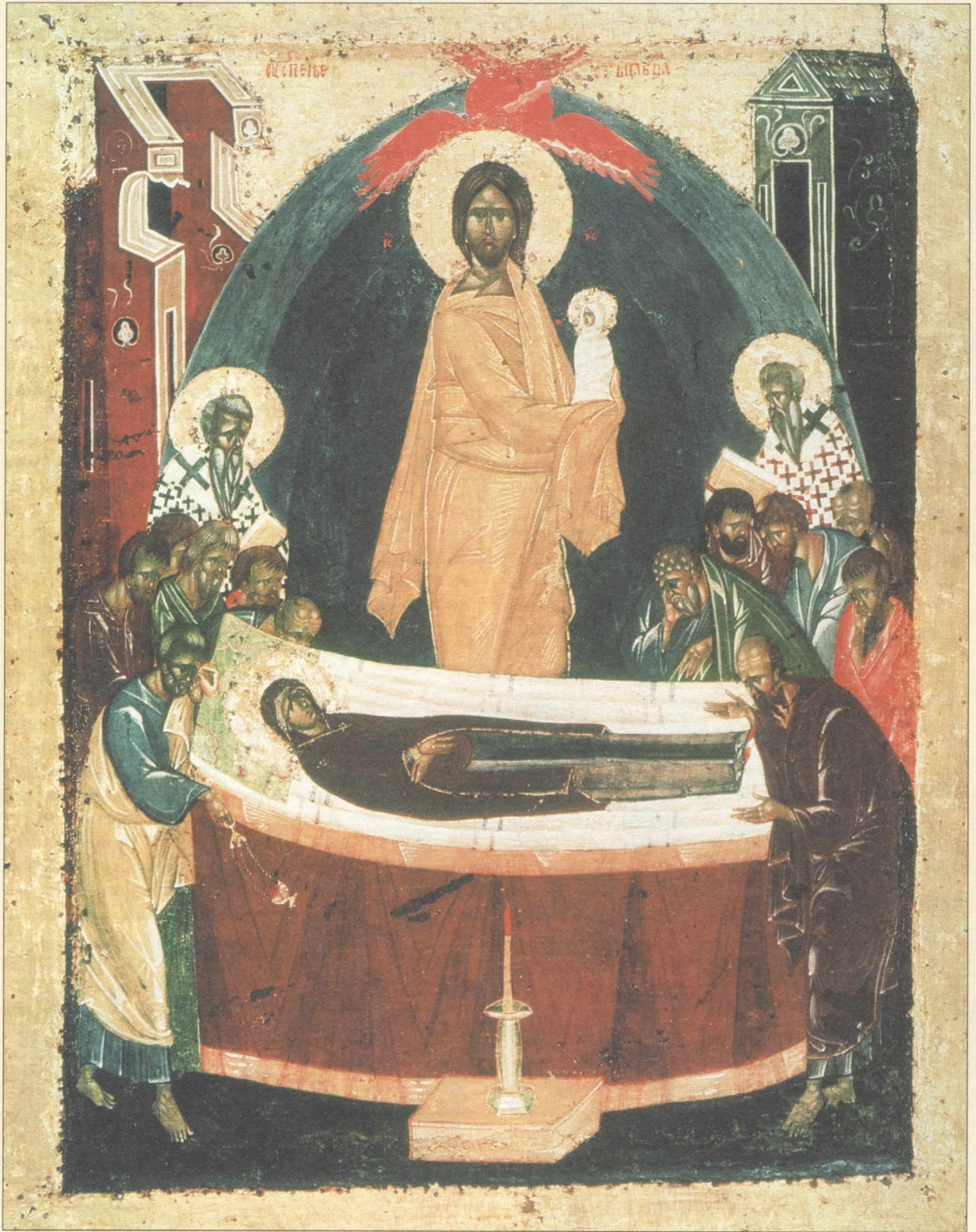
В этот день заканчивается Успенский пост — один из четырех многодневных постов Православной Церкви.

Тропарь, глас 1:

*В рождестве девство сохранила еси,
во успении мира не оставила еси, Богородице,
преставилася еси к животу, Мати сущи Живота,
и молитвами Твоими
избавляеши от смерти души наша.*

Феофан Грек
Икона УСПЕНИЕ. Около 1392

Кладбище

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

После многих лет отсутствия посетил я то живописное село, в котором я родился. Давно давно принадлежит оно нашей фамилии. Там — величественное кладбище, осеняемое вековыми деревьями. Под широкими развесами деревьев лежат прахи тех, которые их насадили. Я пришел на кладбище. Раздались над могилами песни плачевные, песни утешительные священной панихиды. Ветер ходил по вершинам деревьев; шумели их листья; шум этот сливался с голосами поющих священнослужителей.

Услышал я имена почивших — живых для моего сердца. Перечислялись имена: моей матери, братьев и сестер, моих дедов и прадедов отошедших.

Какое уединение на кладбище! Какая чудная, священная тишина! Сколько воспоминаний! Какая странная, многолетняя жизнь! Я внимал вдохновенным, божественным песнопениям панихиды. Сперва объяло меня одно чувство печали; потом оно начало облегчаться постепенно. К окончанию панихиды тихое утешение заменило собою глубокую печаль: церковные молитвы растворили живое воспоминание об умерших духовным утешением. Они возвещали воскресение, ожидающее умерших! Они возвещали жизнь их, привлекали к этой жизни блаженство.

Могилы праотцов моих ограждены кругом вековых деревьев. Широко раскинувшиеся ветви образовали сень над могилами: под сению покоится многочисленное семейство. Лежат тут прахи многих поколений. Земля, земля! Сменяются на поверхности

твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с деревьев на могилы, истлеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также — только в течение краткой чреды своей, также увянут, исчезнут.

Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!

Загадка

Желанный гость с далекого края под окном живет.

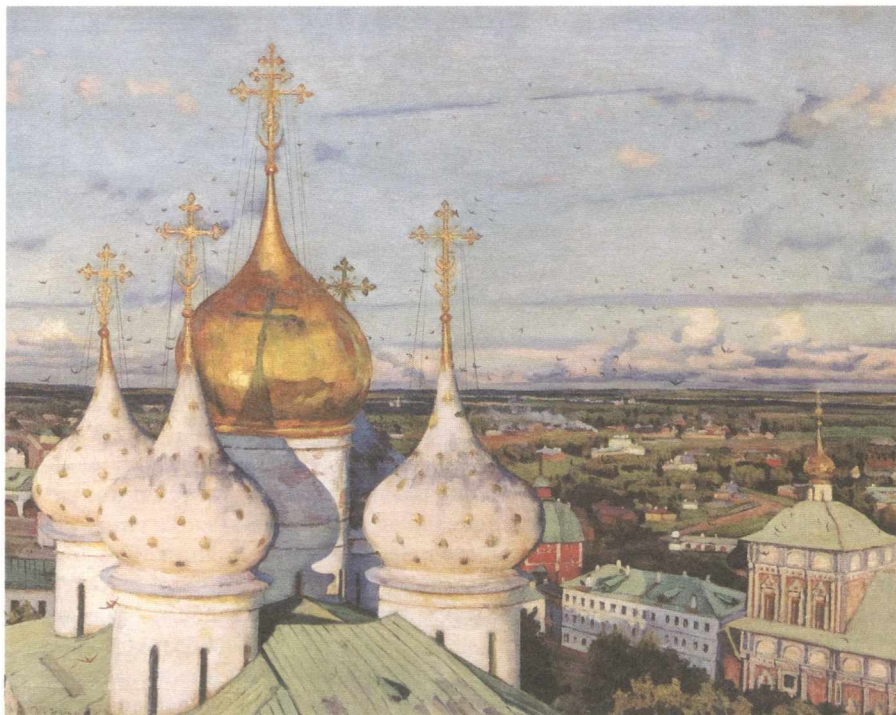
К.Ф. Юон
КУПОЛА И ЛАСТОЧКИ
1921

Н.Н. Каразин
▲ Открытки. Конец XIX —
начало XX века

Открытки. Конец XIX —
начало XX века:

С.И. Ягужинский
▼ РУССКИЕ ТИПЫ

А. Третьяков
▼ БАЗАР

Вечер

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.*

*В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.*

*Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.*

*День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.*

Иван Бунин
14 августа 1909

Окончание жатвы

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Во многих селениях Великой Руси с приходом Оспожинок празднуют окончание жатвы. Этот праздник слывет у народа Успенщиною. Поселяне на мирскую складку варят пиво, убивают барана, пекут пироги и сзывают родных и соседей на пир пировать. Наши старые бояре угощали на этот день своих крестьян и праздновали с ними окончание жатвы. Поселянки выходят в поле, объявляют последней соломой все серпы, потом катаются по жнитве, приговаривая: «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку на пест, на колотило, да на молотило и на криво веретено». После сего последний сноп, именинный, наряжают в сарафан и кокошник

и с песнями несут на гостиный двор. Здесь их бояре встречают и угощают обедом и вином. Сноп во весь обед стоит на столе. В Юхновском уезде Смоленской губернии к именинному снопу приделывают руки, на кичку надевают белую насовку. Именинный сноп две бабы несут на руках на господский двор, а другие бабы вокруг их поют и пляшут. Приходя на двор, одна из баб выходит с веником и сечет сноп с припевами. Мужчины в старое время прихаживали от всего мира с караваном на барский двор ударить боярину челом на новой новине. Боярин угощал челобитчиков и всему миру крещеному посылал подарки. В Гродненской

Б.М. Кустодиев
МОЛОТЬБА. 1908

В.А. Табулин
▶ ▲ Открытки. Конец XIX —
начало XX века:

ПЕШИЙ КОННОМУ
НЕ ТОВАРИЦ

ДЛЯ МИЛОГО ДРУЖКА
И СЕРЕЖКА ИЗ УШКА

Загадка

Маленький мужичок —
костяная шубка. хэдО

***

Старик у хаты веял, подкидывал лопату,
 Как раз, к святому Спасу покончив с молотьбой.
 Старуха в черной плахте белила мелом хату
 И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовея, в степную пыль садилось —
 И тени ног столбами ложились на гумно,
 А хата молодеда — зарделась, застыдилась —
 И празднично блестело протертое окно.

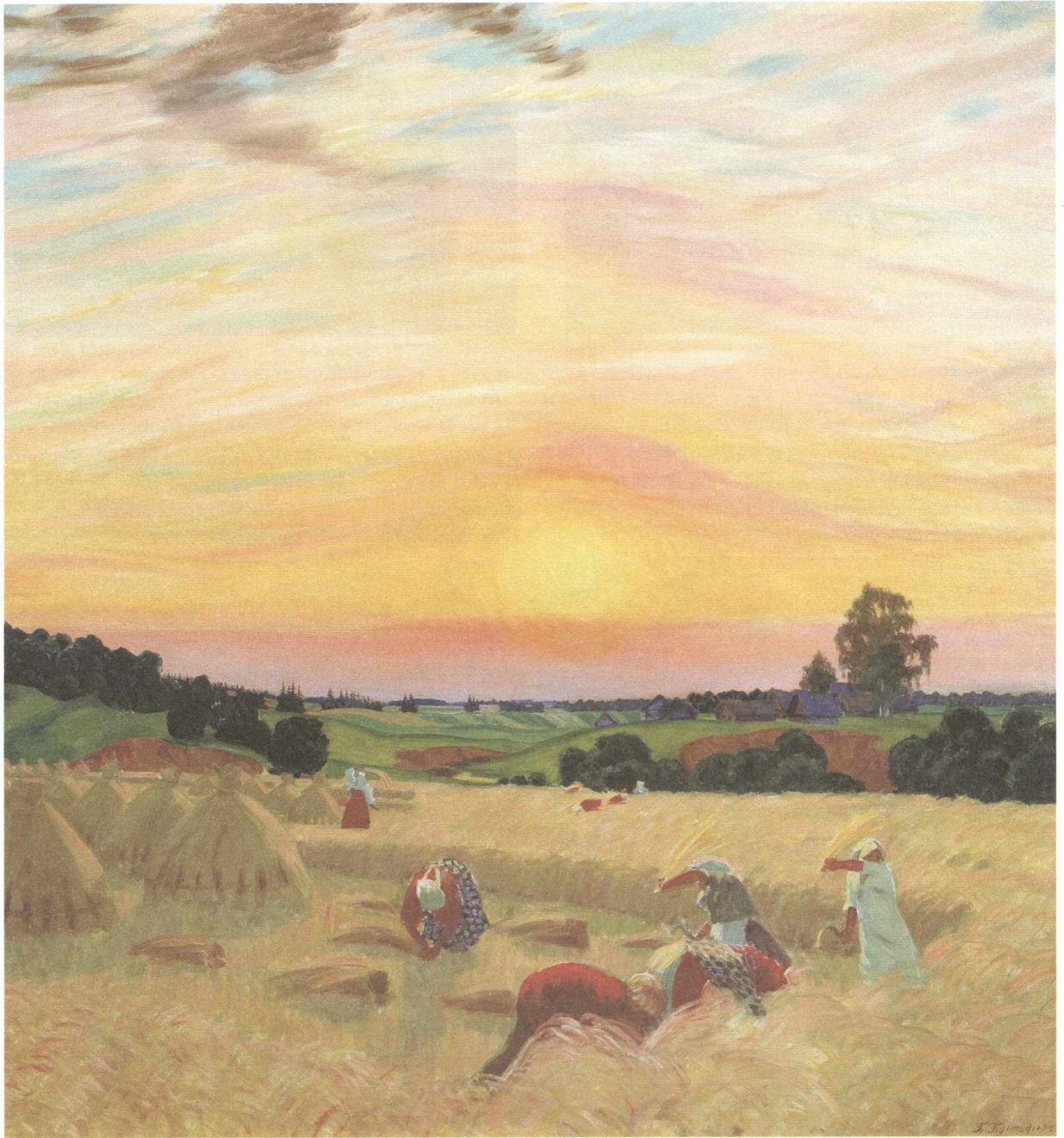
Иван Бунин
 1903

П.Е. Заболоцкий
 ПОСЛЕ ЖАТВЫ
 (В ИМЕНИИ А.Р. ТОМИЛОВА
 «УСПЕНСКОЕ» ПОД СТАРОЙ
 ЛАДОГОЙ). 1822

Восенушка-осень!
 Сноп последний носим.
 Приходи с ливнем,
 С хлебом обильным,
 Со льном высоким,
 С корнем глубоким,
 С толокой, обмолокой,
 С золотым венцом.

губернии, по Украине, Подолии и Вольнии, со сжатием последнего снопа сплетали с песнями венки и клали на голову почетной девице. После сего все отправлялись на боярский двор ударить челом своему боярину. Девица на дворе вручала боярину венок, а боярин, принимая венок, целовал девицу и угощал поселян. Так в старину праздновали на Руси Дожинки. Все это было воочию и быльем поросло. Старина, старина! Как была ты мила нашим предкам и как мы, их потомки, успели скоро променять тебя на заморские причуды!

С 15 августа <28-го по н. с.> начинаются осенние хороводы в городах и селах. В селах с этого дня в старину начиналось молодое бабье лето и продолжалось до 29 августа <11 сентября по н. с.>, до Ивана постного.

*Уж мы вьем, вьем бороду
У Гаврилы на поли.
Завиваем бороду
У Васильевича на широком,
У Васильевича на широком,
На нивы великой,
На полосы широкой,
Да на горы на высокой,
На земли чернопахотной
На землицы на пахотной.
Вейся, вейся, борода,
Бородушка, вейся!
Сусек, наполняйся!*

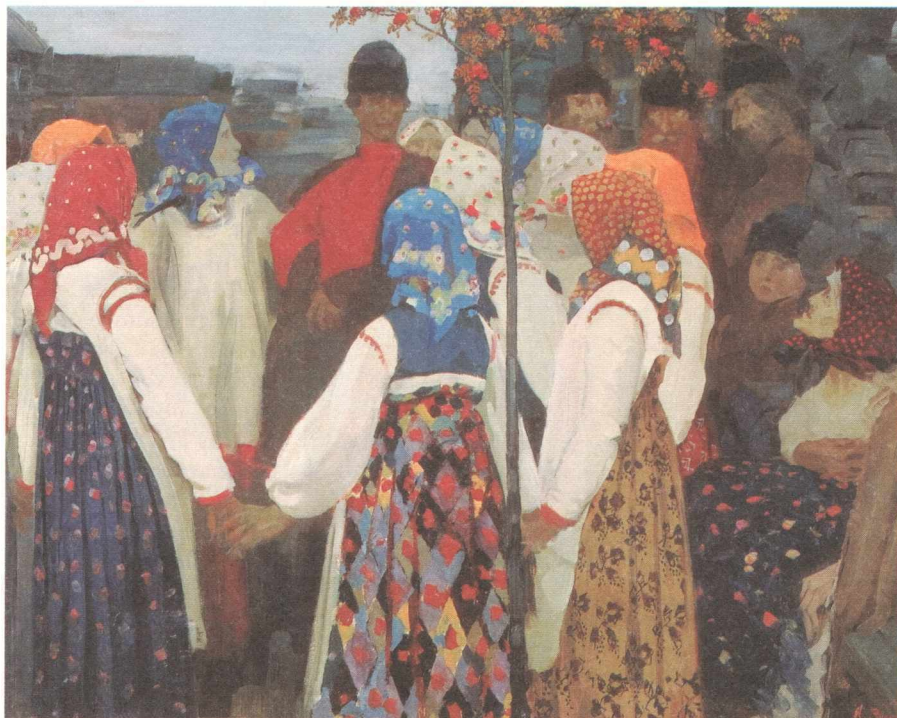

Б.М. Кустодиев
ЖАТВА. 1914

Коробейник. Игрушка
Конец XIX века

А.П. Рябушкин
«ВТЕРСЯ ПАРЕНЬ
В ХОРОВОД...» 1902

*Ох и слава Богу,
Что жито пожали!
Что жито пожали
И в копны поклали:
На гумне стогами,
В клетки закромами,
А с печи пирогами.*

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СЕМЬИ

Николай Арсеньев

«Духовная традиция русской семейной культуры». Отрывки

Красота и уют, внутренняя теплота патриархальной семейной жизни — какое это богатство! Как целый мир духовных и душевных ценностей раскрывается здесь в этом семейном тепле, в этой насыщенности культурной традицией, в этой живой связи с живым миром прошлого. <...>

А.С. Хомяков, будучи уже пожилым человеком, признавал, что всем своим направлением духовным он обязан своей матери: «Что до меня касается, то я знаю, что, во сколько я могу быть полезен ей (своей матери), обязан я и своим направлением, и своей неуклончивостью в этом направлении, хотя она этого и не думала. Счастлив тот, у которого была такая мать и наставница в детстве,

а в то же время какой урок смирения дает такое убеждение. Как мало из того доброго, что есть в человеке, принадлежит ему» (письмо к М.С. Мухановой). Философ князь Евгений Трубецкой в своих воспоминаниях детства показывает на маленьких эпизодах, как влияла их мать на восприимчивые души детей, так что на всю жизнь запечатлевалось сознание нравственной невозможности обижать слабых. <...>

А какой памятник благодарности поставил Лев Толстой той, которая с самоотверженной любовью заменила ему и его братьям и сестре мать (матери он лишился в самом раннем возрасте): «Тетька Татьяна Александровна имела самое большое влияние на мою жизнь: влияние это было, во-первых, в том, что она еще в детстве научила меня духовному наслаждению любви! Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, я чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви...»

Так строится жизнь, так совершается великое дело духовного оплодотворения, так льется часто невидимый, часто малозаметный, но могучий поток духовной, жизненной динамики, составляющий оплот жизни народа, его стержень, связь между его прошлым и будущим. <...>

Благословение родителей детям — это стержень и путеводный маяк в жизни детей при всех обстоятельствах жизни: и в обыденной, ежедневной обстановке семейного тепла и уюта, и при прощании, и в моменты решающих событий жизни детей — при отъездах, разлуках, особенно при основании детьми собственной новой семьи,

Икона
ХРИСТОС, БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИЙ ДЕТЕЙ. Начало XX века

Ф.С. Журавлев
▶ БЛАГОСЛОВЕНИЕ. 1901

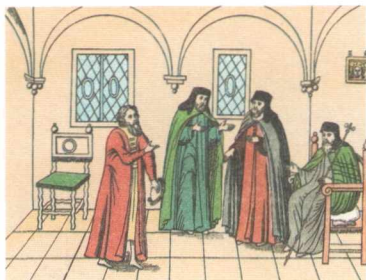
и, наконец, при предсмертном прощании родителей с детьми. Благословение родителями детей или взаимное благословение всех членов семьи на сон грядущий — черта, свойственная патриархальным русским семьям даже и до наших дней: говорю о таких семьях, что сумели донести до нашего времени живое сокровище молитвенного общения детей с родителями. <...>

Благословение перед разлукой, обычай в молчании «посидеть» вместе в безмолвной молитве перед отъездом, свойственно нашей семье. Тяжесть разлуки скрашивается переброшенным через нее мостом благословения и молитвы. Отпускаемым на чужбину детям, сыновьям, уходящим на войну, — столько давалось с собой благословений и молитв на дорогу, и так много было в старину рассказов про то, как материнское «благословение» — образок, повешенный на шею матерью перед отъездом, — отклонил полет неприятельской пули: образок погнулся, а пуля пролетела мимо. Мы здесь касаемся самого святого, сокровенного и интимного

в жизни семьи. Отсюда вырастают те невидимые скрепы и нити, которые делают семью единым духовным организмом, дают столько теплоты и очарования ее внутреннему «воздуху». <...> Величайшему художнику русского патриархального семейного быта — Л.Н. Толстому удалось, как никому другому, передать красоту этого внутреннего «воздуха» семьи, особенно в «Войне и мире». Самое святое в человеческих отношениях неизобразимо, но как подлинно и тонко написана эта сцена благословения княжной Марьей брата Андрея, отправляющегося на фронт:

«Против твоей воли Он спасет и помилует тебя и обратит тебя к себе, потому что в Нем одном и истина и успокоение, — сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом, в серебряной ризе, на серебряной цепочке мелкой работы.

Она перекрестилась, поцеловала образок и подала его Андрею. «Пожалуйста... для меня...»

Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо и делали его прекрасным. Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок».

Эта сцена вдохновлена семейным преданием толстовской семьи, согласно которому прадед Льва Николаевича, князь Сергей Федорович Волконский, был защищен от пули в Семилетнюю войну образком благословения матери. <...>

В Нижегородской губернии, когда все бывает готово к поездке в церковь, каждый из молодых благословляется родителями в своем доме следу-

ющим образом: продвигают стол к углу под иконы и покрывают его белым полотном, потом кладут на стол ржаной хлеб с солью, пирог и белый хлеб, затепливают свечи и лампаду под образами, все домашние и родственники молятся с невестой. После отец и мать надевают на себя шубы, вывороченные шерстью вверх, а отец крестный берет правой рукой жениха за одну его руку, держа в правой своей руке вывороченную шубу, за другую руку жениха берет дружка или брат и подводят его к родителям, которые стоят за столом: отец с иконой, а мать с хлебом. Дружка говорит: «Любезный батюшка, благослови милое чадо злат венец прияти и плод с райского дерева сняти». Он повторяет эти слова три раза, а жених три раза падает в ноги своему отцу, на разостланной шубе, которую приготовил сват. Затем отец благословляет сына иконой крестообразно, которую целует сначала сам, потом дает ее целовать сыну, и, наконец, целуют друг друга. Точно таким образом благословляет мать сына, потом отец и мать благословляют его поочередно хлебом-солью и отпускают к венцу. <...>

Очень торжественным был обряд благословения при праздновании свадьбы царя Михаила Федоровича 5 февраля 1626 года.

Государь слушал раннюю обедню, потом благословлялся у своего отца, святейшего патриарха, и говорил ему речь: «Великий государь отец наш Филарет Никитич, святейший Патриарх Московский и всея Руси. По воле Всеблагого и соизволению вашему и матери нашей, инокини великой государыни Марфы Федоровны, назначено быть нашей свадьбе, а сего дня моей радости. Святейший патриарх, благослови сына своего». Патриарх, благословляя сына, говорил: «Всемогущий и неизреченный в милости, вознесший тебя на царский престол за благочестие, Тот и благословляет тебя. Да подаст Он тебе и супруге твоей долгоденствия и размножение роду. Да узришь на

◀ БРАКОСОЧЕТАНИЕ
ЦАРЯ МИХАИЛА
ФЕДОРОВИЧА
И ЕВДОКИИ
ЛУКЪЯНОВНЫ
СТРЕШНЕВОЙ

А.М. Васнецов
МОСКВА. КОНЕЦ
XVII ВЕКА

◀ ЦАРЬ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

престолу сыны сынов твоих и дщери дщерей твоих, и да защитит Он всех вас от врагов, распространит могущество ваше от моря и до моря, и от рек до концов вселенныя». Потом патриарх благословил его образом Пресвятой Богородицы.

Наглядными носителями родительского благословения, более того — священными для детей и семьи символами Божия благословения являются семейные иконы. Они передаются из поколе-

ния в поколение, как бы воплощая в себе духовную связь, духовную преемственность отцов и детей. У бесчисленных крепких русских семей простых и знатных, скудного достатка, зажиточных и богатых, были эти заветные семейные или родовые иконы, «родительского» или «дедовского» благословения. В старом купечестве, у старообрядцев, в стародворянских и княжеских родах, у духовенства, в крепких гнездах крестьянского

семейного быта, особенно, например, на Севере России. Некоторые семейные или родовые иконы как бы воплощали в себе жизнь поколений, историю семьи или рода с отцовской или материнской стороны. <...>

О прелести особняков и жизни в них замечательно написал в своих воспоминаниях большой любитель и знаток старой России и особенно старой Москвы <...> Николай Николаевич Львов.

«...Дети росли, учились дома у приходящих учителей и учительниц, катались с гор и на коньках на Патриарших прудах и на Пресне,

с детской радостью играли простыми игрушками кустарного изготовления, резной деревянной лошадкой, раскрашенными забавно куколками от Троицы или разрянутой Матрешкой в сарафане, лакомились изюмом, халвой, стручками, подсолнухами, и не было ничего лучше винной ягоды в няниной комнате. На Масленой их водили на гулянье в балаганах

на Подновинском, Великим постом все постились, на Страстной все говели, и исповедовались у своего приходского батюшки или в монастыре, где так страшно было входить в маленькую келью к старому духовнику в черной рясе, встречали Светлое Христово Воскресение в своем приходе и переживали всю таинственную радость темной весенней ночи, когда раздается первый гул колокола Ивана Великого и к нему со всех концов несутся в ночном воздухе встречные призывные голоса московских колоколов и солются в один таинственный радостный переливной звон, уходящий далеко, далеко в небо над погруженным в темноту городом.

Родители не были оторваны от детей своими ежедневными занятиями или службой, они жили с ними общей жизнью, летом в деревне, зимой в Москве в своих особняках, и воспитание детей было согрето таким теплым чувством любви, которого ничто заменить не может. Слова молитвы, повторяемые детским шепотом и выученные за матерью и няней, и детский страх перед первой исповедью, и радостное чувство, и детское горе, и слезы — все связывалось в воспоминании с дорогими лицами, с добротой старой няни, с нежностью матери, с ее тихим голосом и мягким, ласковым прикосновением ее руки к горячему лобку больного ребенка, а после в этих общих чтениях

С.Н. Андрияка
▲ УСАДЬБА ХРУЩЕВЫХ
НА ПРЕЧИСТЕНКЕ
В МОСКВЕ. 1996

С.А. Виноградов
В ДОМЕ. 1913

и в музыке по вечерам в большой гостиной все впечатление от чтения и игры на фортепиано сливается в памяти со звуком голоса матери, читающей вслух, с запахом сирени и черемухи, вливающимся в комнату через открытое окно, со смехом и детской слезой при чтении печальной повести или веселого рассказа, и звуки Бетховенской сонаты глубоко проникают в детскую душу, и так же, как чтение вслух и слова молитвы, все

остается на всю жизнь — как одно светлое радостное воспоминание детства». <...>

На этом внутреннем семейном мире хотелось бы остановиться. Как много в нем душевного света и мягкости и теплоты. Он запечатлен, например, Л.Н. Толстым незабываемым образом и в «Детстве», и в «Войне и мире». Вспомним, например, неподражаемую, благоухающую сцену возвращения Николая Ростова в родительский дом с театра войны. <...>

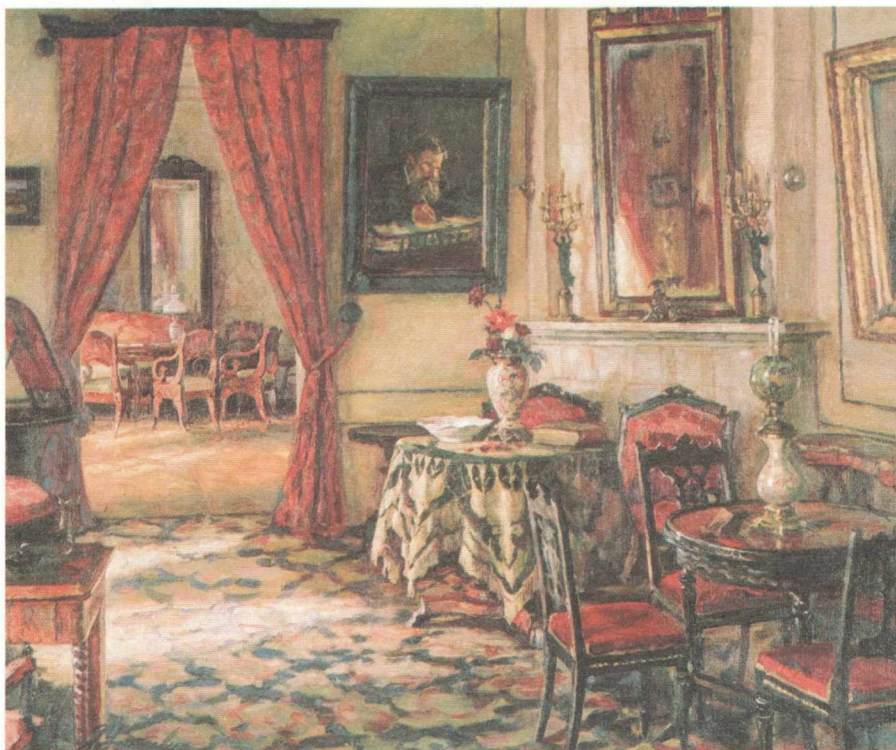

А эти материнские заботы о воспитании детей, этот дневник детского поведения, который ведет Мари Болконская, в замужестве Ростова. <...>

Толстой верно понял: центр всей этой жизни, ее вдохновляющий источник — мать. Значение матери, женщины в русской патриархальной, культурной семье решающе и основоположно. В русской культурной семье женщина — мать и жена — играет духовно более важную роль, чем мужчина, и не только в воспитании детей. Она — внутренний очаг семейной жизни, источающий теплоту и ласку, из-

ливающий эту материнско-женскую ласку и на членов семьи, и на всех домочадцев, на родных, друзей и знакомых, и на посторонних даже, особенно одиноких, заброшенных, несчастных, попавших в сферу воздействия этой семьи, попавших под ее гостеприимный кров, приходящих погреться у ее теплое, задушевного пламени. Она — центр этого общежития, веселое и ласковое солнце на небосклоне этого маленького мира, источник ласки, сострадания и уюта, и вместе с тем через нее, через ее молитвы, через ее участие в молитве детей, через ее

В.С. Константинов
▲ ТЕРРАСА ДОМА
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. 1952

В.С. Константинов
▲ ВИД НА УСАДЬБУ
ЯСНАЯ ПОЛЯНА. 1953

► Л.Н. Толстой
с внучкой Таней. 1910

А.Н. Устинович
КРАСНАЯ ГОСТИНАЯ
В ДОМЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
1986